

16+

Артём Холкин

Курильня дядюшки Хо

Артём Владимирович Холкин

Курильня дядюшки Хо

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42649060

SelfPub; 2019

Аннотация

Повесть представляет собой постмодернистическую головоломку, ребус, и после прочтения оставляет ощущение наслаждения от финальной разгадки, которое смешивается с чувством неудовлетворенности самим собой. Автор ставит под сомнение существование реальности, пытаясь отыскать что-то настоящее, действительно важное. Это произведение – то ли сон, то ли явь. Мы читаем про господина Семикрата, способного совершать путешествие в параллельные вселенные. И вслед за ним перемещаемся в загадочные миры, оказываемся где-то на краю света, на острие реальности, задумываемся о своем месте в жизни и тех декорациях, что нас окружают.

Содержание

Внезапное путешествие	4
Извилистые следы	14
Агентство земного созерцания	17
Лига отъявленных лентяев	25
Улица имени Свободы	27
Чтение символов	29

Внезапное путешествие

Свою курильню Дядюшка Хо решил построить в стволе большого дуба, который стоял на краю леса, недалеко от озера. Снаружи было дерево как дерево, а внутри он устроил весьма уютный кабачок, который назвал «Курильня». Курильня, во-первых, потому что, прежде всего в заведении собирались любители покурить длинные трубки. Эти трубки Дядюшка Хо делал сам, индивидуально для каждого постоянного посетителя. Мастер изготовления трубок использовал сочетание разных сортов дерева и камня, а также экспериментировал с формой курительного прибора. В итоге любой гость получал от своей трубки то самое неповторимое удовольствие.

Только ты учти, – говорил какому-нибудь новому посетителю Дядюшка Хо, – трубка – это как живое существо! А живое существо в чем больше всего нуждается? Во внимании и заботе, в любви! Вот сделаю я тебе трубку, а ей рука твоя нужна будет, твое дыхание. А если ты ее забросишь? – тут он подозрительно клонил голову набок и щурил глаз. Вопрос не требовал ответа, но здесь наш мастер делал внушительную паузу, и даже успевал налить по стаканчику себе и новичку. Во время наполнения стаканов Дядюшка Хо сокрушенно покачивал головой и вздыхал. Стаканчик легко опустошался и стучал доньшком о барную стойку, а мастер изготовления

трубок продолжал свой инструктаж:

– Если трубку не курят регулярно, то она начинает хандрить, а затем портится, и может вообще сломаться, погибнуть! Пойми, что трубка – это часть тебя, у вас общее дыхание. Вот что самое ценное в курении?

– Ну, хороший табачок, может... Или нет! Пожалуй, главное – это чудесное состояние особенно пронзительной созерцательности, – пытался размышлять начинающий курильщик трубки.

– Самое ценное в курении – это дым. Ради него весь обряд и происходит.

Дядюшка Хо немного лукавил, когда говорил, что трубка может испортиться из-за долгого отсутствия хозяина. Чтобы этого не произошло, знаменитый волшебник и основатель Курильни придумал специальный аппарат. Это таинственное устройство ухаживало за теми трубками, хозяева которых редко заходили в Курильню или пропадали на какое-то время. Дядюшка Хо каждый вечер аккуратно набивал трубки табаком, и вставлял в аппарат. Магическая машина сама их раскуривала. Все трубки равномерно выпускали дым разного цвета и формы в соответствии с характером своего хозяина.

Наблюдать за работой курительной машины доставляло особое удовольствие всем посетителям. Механический дракон немного раздувался, набирая в себя дым, а затем выпускал причудливые клубы и кольца из многочисленных нозд-

рей и шипованной пасти.

В те времена я почти каждый вечер проводил в Куриль-не Дядюшки Хо. Я так привык наблюдать за работой чудес-ной машины, что мог с легкостью угадать, чьи трубки сего-дня попали в лапы механического дракона. По форме клу-бов дыма и даже по запаху табака мне становилось ясно, кто сегодня «прогуливает».

Один мой хороший знакомый по имени Семикрат редко появлялся в Курильне. Он очень много путешествовал, и не только по своему желанию. Каждый раз, когда он заходил в кабак Дядюшки Хо, я с удовольствием слушал его рассказы о дальних краях. А пока он был в отлучке, его трубка про-должала удивлять нас невероятными фигурами из тонкого полупрозрачного дыма. Эти фигуры были важным дополне-нием к его рассказам. Можно было целый вечер провести, наблюдая за тем, как дымит трубка господина Семикрата.

Конечно, в кабачке были рады всем посетителям, однако попасть в гости к Дядюшке Хо мог далеко не каждый. Это связано с особенностями строения курительного заведения. Внутри дерева помещение напоминало по форме гигантскую головку чеснока. Вместо потолка в курильне был высокий свод, который переходил в дымоход. Ствол дуба, внутри пу-стой, действовал как труба, и все фигуры табачного дыма ти-хо поднимались по стволу вверх и ложились на небо, как на чистую простыню. Окна и двери в обычном понимании от-сутствовали, поэтому войти мог только тот, кто имеет при-

вычку в обращении с подобными строениями. Внутри Курильня была значительно больше, чем ствол дерева снаружи. Стены, обитые темно-красной тканью, деревянные столы, кожаные кресла, – все выглядело просто, но надежно.

Новые посетители появлялись очень редко. А самостоятельно найти заведение было вообще невозможно. Иногда кто-нибудь из завсегдатаев приводил своего знакомого, а бывало и так, что сам Дядюшка Хо представлял собравшейся компании какого-нибудь гостя. Общество любителей трубочного табака было разношерстным, но всем нравилось посплетничать или поспорить о чем-нибудь. За годы совместного времяпрепровождения курильщики успели узнать друг друга довольно хорошо. Для меня эта компания стала чем-то вроде второй семьи. Но в один из вечеров произошли события, которые полностью изменили мой привычный жизненный уклад, и визиты в любимый кабачок на долгое время для меня стали невозможны.

Тот вечер начинался на редкость удачно: после долгого отсутствия вернулся Семикрат, и я ожидал порцию новых историй о приключениях моего друга. Он пришел раньше меня, и сидел один на диванчике за большим столом. Трубка лежала у него в руке, и путешественник, опустив голову, наблюдал за струйкой дыма.

– К сожалению, на этот раз не могу ничем тебя порадовать, – кратко ответил он на мои бурные приветствия и просьбы рассказать об увиденном.

– Жаль, я-то думал, мы весело проведем вечерок. Ну не хочешь рассказывать – не надо, дело твое. Похоже, последний поход тебя доконал.

– Да, путешествие было тяжелое, но рассказывать не о чем.

– Ладно, не о чем, так не о чем. – Я не спеша взялся за свою трубку, набил ее крупно порезанным листом шоколадного цвета и стал раскуривать.

– Как ты знаешь, – внезапно заговорил Семикрат после долгой паузы, – наш мир не лежит ровным полотном. Он расположился какими-то складками что ли, или волнами.

К этому моменту дым из трубки почти полностью окутал его. Семикрат оказался как будто в коконе из лепестков. Первую фразу мой добрый знакомый произнес из глубины своего дымового убежища. Затем он как-то выпутался из слоев тумана и отошел к стойке, махом опрокинул там стопку, прихватил еще пару стаканчиков с собой и вернулся за столик. Мы еще немного выпили, и он продолжил свои рассуждения:

– Как ты знаешь, в различных прослойках этого полотна жизнь приобретает весьма причудливые формы, но все же везде сохраняются основные принципы строения реальности. Однако есть и такие места, где существование почти полностью утратило привычные нам черты. Это не вызывает особого страха или отвращения. Удивляет, пожалуй, то, что человек и там каким-то образом сумел прижиться, толь-

ко ничего хорошего из этого не получилось.

– Я, конечно, там не был, но, по-моему, ты преувеличиваешь. Если где-то живут люди, значит, там не может быть неинтересно. Ты просто в дурном настроении. Хандра заставляет тебя с отвращением смотреть на мир.

– Эх, ну как тебе объяснить?! Вот ты можешь представить себе место, где серебро не имеет никакой волшебной силы? Вообще никакой. Да что там серебро! Курение там просто опасно для здоровья. А самое досадное, что эти факты никого там не огорчают. Там это нормально. Там другие проблемы людей волнуют.

Приведенные доводы меня шокировали. Трудно представить себе как вообще выглядит такое место. Я был уверен, что это так же невозможно как существование в двухмерном пространстве.

– Тогда объясни, что же там действительно людей волнует? Что вообще может волновать людей в таком месте?

– Ну, чтобы это понять тебе придется самому там побывать. Ты же знаешь, у меня работа немного отличается от твоих занятий. Мне по долгу службы приходится инспектировать все территории, где человеку удалось хоть как-то адаптироваться. Инспектировать – это громко сказано, скорее, я просто фиксирую очередные проявления нашего мира, и вношу данные для составления Атласа. Иногда эти проявления бывают крайне необычными. Но мне не обязательно долго задерживаться где-то. Во всяком случае, Дядюшка Хо

еще ни разу не сказал мне, что механический дракон устал от моей трубки.

При этих словах ему пришлось заново раскуривать свою трубку. Но вскоре он продолжил:

– А вот если отправишься туда ты, то быстро вернуться не получится. С другой стороны, всем нам рано или поздно придется совершить такое путешествие. Как говорится, все там будем. В общем, выбирать тебе, но мне надо было рассказать тебе об этом месте. Что знал, рассказал. Сам бы туда не пошел, но меня попросили посоветовать тебе именно это путешествие. Составители Атласа думают, что тебе это будет не только полезно, но и интересно. Короче, мне есть, отчего смотреть на мир с отвращением.

– Спасибо за сообщение. Вообще-то я уже ждал чего-то подобного, только не думал, что именно ты.... Давай-ка еще выпьем и сыграем.

Мы допили и условились сыграть на таких условиях, что если первый красный туз ляжет справа от меня, то я отправляюсь в путешествие немедленно. А если карта откроется слева, то Семикрат доложит составителям Атласа, что их предложение отклонено, и я вправе сам выбирать время и направление путешествия.

– Если же в колоде не окажется ни одного красного туза, то мы обязуемся полностью уничтожить все запасы этого заведения и напоить всю округу! – с широкой улыбкой добавил Семикрат.

В ожидании выпивки к нашему столику подтянулись люди из всех углов кабачка. Игра началась. Каждую новую карту встречали бурными комментариями, вспомнили все при сказки и шутки по поводу шестерок, дам и валетов. Уже больше половины колоды расположилось на столе, а туза все не было видно. Кто-то предлагал передохнуть и выпить чаю, другой божился, что в этой колоде уже лет пятьдесят не встречал ни одного туза, хоть каждый вечер раскладывает пасьянсы, но вот справа открылся туз червей. Кто-то еще продолжал хохотать, тотчас были отданы распоряжения принести всем выпить за славную партию. В общей суете я как-то сам, еще отшучиваясь, сказал, что мне пора и немедленно вышел.

Ствол дуба отворился, и я, стоя снаружи еще видел какое-то время всех, кто собрался за столом, слышал смех. Или мне казалось, что слышал или что-то видел. На самом деле я стоял возле каких-то кустов, и меня просто выворачивало на изнанку. Внутри у меня уже ничего не было, из желудка выходила только желчь. Желтая слизь длинной ниткой тянулась у меня изо рта. Я уже устал стоять, согнувшись, и казалось, это никогда не закончится. Какие-то обрывки воспоминаний еще оставались у меня в голове, но очередной рвотный приступ выдавил из меня все, что было связано с красной комнатой. Теперь я точно знал, что мне шестнадцать лет, и я сегодня пил с моим двоюродным братом Степой.

Мы пили технический спирт, очищенный. Степа принес

его с работы. Чтобы пить было не так противно, мы решили разбавить Степин спирт пивом. Он мне так и сказал: «С меня спирт, с тебя пиво». Я купил пластиковую бутылку темного пива. Долго искать место для распития мы не стали: была зима, особо не повыбираешь. Встретились на трамвайной остановке, он как раз с завода приехал, отошли за последний на улице жилой дом, и остановились за теплотрассой.

Сначала пришлось порядочно отхлебнуть на морозе холодненького пивка, чтобы было, куда вливать спирт. Темное пиво от технического спирта сразу стало светлым, почти прозрачным. На вкус было невыносимо противно. От первого глотка Степу сразу вырвало, но он прямо на лету успел втянуть драгоценную жидкость обратно в себя. «Хорошо, что пьем на морозе», – подумал я. Отхлебывали большими глотками и закусывали морозным воздухом. Еще было полбулки белого хлеба – жевали без энтузиазма, но понимали, что без него вообще нельзя – быстро срубимся. Отчетливо помню, как мы выпили половину нашей бутылки. После этого отправились гулять. Здесь уже воспоминания отрывочные. Время от времени прикладывались к бутылке – погреться. Где-то шли вдоль забора и орали песни. Затем у этого же забора блевали. После очередного приступа рвоты я поднял голову и увидел, как на меня строго смотрит усатый милиционер. Степа сбивчиво объяснял ему: «С дня рождения идем. Вот грибами отравился. Я его доведу, нам тут недалеко уже». Я попытался поддержать Степу, но выдавил из себя только:

«Не забирайте...». Милиционер с жалостью и отвращением посмотрел в мою сторону.

После встречи с патрулем решили добираться домой. Затем большой провал в памяти. Следующее воспоминание – мы едем в трамвае, за окном очень темно. Выходим на остановках, которые я не в состоянии узнать. Долго ждем, пересаживаемся на другие трамваи, опять выходим. Видимо, где-то мы опять вышли, чтобы я мог поблевать. Степа ждал меня, а потом исчез. Наверное, уехал на последнем трамвае, может, даже звал меня, а может, вообще забыл, что был со мной. Не знаю, сколько времени я тут стоял. Судя по всему, эта остановка где-то в промзоне – вокруг одни заборы и трубы. Ни одного окна, где горел бы свет, даже собаки не лают. Я не знаю, как отсюда добираться домой. Очень холодно, постоянно мутит. Тоскливая жуть накатывает волнами, подступает к самому горлу. И еще очень жалко маму...

Извилистые следы

Есть у меня двоюродный брат Степа, у него раньше было четыре почки. Но события, о которых я хочу рассказать, произошли задолго до того, как мы узнали о такой уникальной особенности его организма. Так вот, благодаря моему брату Степе я не начал курить сигареты как все мои одноклассники: вместо этого первый мой опыт курения был связан с анашой или шмальнойю, как у нас это тогда называли.

Мой двоюродный брат Степа на пять лет меня старше. В те далекие годы он с упоением занимался спортом, ходил в качалку и наращивал мышечную массу. Не знаю, кто ему посоветовал, но почему-то он вдруг решил, что курение анаши поможет ему совершить очередной прорыв и достичь новых спортивных результатов. «Говорят, что после того, как дунешь, масса прет невероятно! Давай мы с тобой пакет возьмем, а в субботу у меня дома как раз родителей не будет, и мы спокойно раскуримся», – заявил мне Степа.

Надо отметить, что тогда я был противником табакокурения и с пренебрежением относился к повальному увлечению сигаретами всех моих сверстников. Но предложение двоюродного брата Степы, у которого было четыре почки, оказалось самым неожиданным. Во-первых, я сразу для себя решил, что анаша – это не табак и равнять здесь нечего. А во-вторых, и в самых главных, это было настоящее приключе-

ние, о котором молодой человек моего возраста мог только мечтать!

– Ее же где-то купить надо, – робко заметил я.

– Да мне сказали, что приезжаешь в Ленинский район, а там возле одного дома постоянно продают, – уверенно заявил мой двоюродный брат Степа.

Сейчас, вспоминая этот случай, мне все больше кажется удивительным и каким-то сверхъестественным то, что произошло с нами в те далекие времена. По морозу, зимой мы добрались до Ленинского района города, а это было очень далеко. Нашли нужный перекресток и нужный дом. «Подожди здесь!», – сказал Степа, а сам стал бегать по тротуару вдоль дома и заглядывать в лица прохожих. Пару раз он что-то спрашивал у каких-то парней. Минут через 10-15 ему повезло: один молодой человек повел его во двор, а затем в подъезд. Очень скоро мой двоюродный брат Степа вышел оттуда с довольным видом:

– Все нормально, поехали! – сообщил он, и мы отправились в обратный путь.

Ему удалось купить примерно спичечный коробок высушенной и мелко порезанной травы, которая на вид напоминала специи типа хмели-сунели. Курить вдвоем нам показалось скучновато, и я пригласил своего школьного друга Диму поучаствовать в этом особо секретном деле.

В назначенный день мы собрались у моего двоюродного брата Степы. Оказалось, что для курения нужны еще и па-

пиросы – из них вытряхивали весь табак, а затем набивали высушенные хмели-сунели. Получалась внушительного вида папиросина. Курить решили в ванной. Первая «торпеда» была взорвана, и мы с опасливым и серьезным видом передавали ее от одного к другому.

Никто из нас не знал, что должно произойти и как. Весь спичечный коробок с сушеными пряностями мы уничтожили минут за сорок. Дома нам стало скучно, и все трое согласились, что делиться впечатлениями гораздо лучше на улице. Был очень тихий зимний день. Большими хлопьями падал снег. Каждая снежинка осторожно опускалась с неба и приземлялась на цыпочках, чтобы никого не потревожить. Мы шли без всякой цели сначала по аллеям в парке, затем по тихим улицам. Снежинки трогали нас своими тонкими прохладными пальчиками, щекотали лица и рассыпались на одежде. Все трое шли, низко опустив головы, и разговаривали между собой, не открывая рта. Так нам казалось намного проще и удобнее. Быстро начало темнеть, и зажглись фонари. Мы шли как первопроходцы, плыли как летучие корабли по млечному пути. Иногда останавливались и смотрели назад. Фонарные столбы стояли причудливыми шеренгами, так же, как и мы, низко опустив головы. Вокруг лежало нетронутое снежное поле. Идеальную гладь нарушали наши следы: извилистой линией они перемещались от одного пятна света к другому.

Агентство земного созерцания

Мне как-то неожиданно повезло: обстоятельства сложились таким образом, что я сначала нашел подработку, а затем вообще поменял сферу деятельности. Довольно быстро мне удалось открыть собственное агентство, и сейчас оно стабильно работает и процветает. Ситуация кардинально изменилась после вспышки. Природа этого явления до сих пор не раскрыта. В один заурядный день свет вдруг стал необыкновенно ярким, а затем произошла вспышка. Как потом выяснилось, волна нестерпимо яркого света обогнула весь земной шар. Необычайное явление длилось всего минут пятнадцать, а в нашем городе его продолжительность составила сорок две секунды.

Сначала была небольшая паника, но все быстро улеглось. Обсуждались разные версии непонятого явления: от ядерной войны до апокалипсиса. Говорили про взрыв на солнце невероятной силы, вспомнили даже эксперименты Тесла в очередной раз. Но прошли дни, а затем месяцы, и никаких отрицательных явлений не последовало. Апокалипсиса не случилось: жизнь шла своим чередом. Радиационный фон оставался на прежнем уровне, Земля не сдвинулась со своей орбиты. После вспышки не было даже обращений в больницы. Поэтому странные явления, которые начали встречаться в обыденной жизни, никто не связывал с уже

забытой вспышкой. Первые необычные происшествия случились спустя полгода или даже больше после невероятного явления космического масштаба.

Кто-то находил предметы явно сделанные людьми, но их предназначение было невозможно распознать. Даже просто описать эти вещи никто не брался – трудно объяснить, на что они похожи. Некоторые из найденных объектов были утеряны через несколько дней, хотя их тщательно охраняли и исследовали. Другие уничтожены самими исследователями.

Вот как попытался рассказать об одном из таких устройств корреспондент местной газеты: «...это первый из всех найденных объектов, который удалось сфотографировать. Прохожие заметили его на тротуаре и сразу сообщили в службу спасения. Один из спасателей снял его на свой телефон и выслал мне фото. Сам объект нам не удалось осмотреть. Спасатели уверяют, что доставили его в специальную лабораторию, однако руководитель научной группы отрицает получение какого-либо объекта от спасателей. Можно было бы списать все на секретность, но у бригады из службы спасения нет никаких официальных документов о передаче объекта, а водитель вообще утверждает, что отвез бойцов МЧС сразу же обратно на базу после ложного вызова. Так или иначе, фотографии у меня и, судя по этим снимкам, на улице лежал предмет ярко синего цвета. Трудно сказать какой он формы, скорее всего, бесформенный, немного продолговатый. С одной стороны он твердый, судя по четким

контурам и заклепкам. Однако чем ближе к другому краю, тем сильнее меняются его свойства. Один из спасателей держит объект в руках, как очень крупную рыбу. Из этого можно заключить, что предмет приобретает свойства резины, а затем желе, а противоположный край предмета – что-то вроде жидкости, сохраняющей форму. То, что предмет действительно кем-то изготовлен, подтверждается клепками, которые я уже упоминал, а так же с твердой стороны на предмете было нечто вроде шкалы с делениями. Весь объект пронизан отверстиями, наподобие дырок в сыре, но очевидно, что все они сделаны механическим путем. Мои слова подтверждают и люди, которые обнаружили предмет на улице. К сожалению, сами фотографии не сохранились, поэтому мне приходится так детально рассказывать о внешнем виде объекта...».

Через некоторое время сообщения о странных объектах прекратились. Параллельно с этими загадочными появлениями происходили и более привычные события. Например, непонятные и ничем не объяснимые самоубийства, а также исчезновения людей. Практически всегда исчезнувших удавалось найти. Находили их в самых неожиданных местах. Пояснить что-либо люди не могли. Случалось так, что потерявшихся находили на вокзале. Последнее, что они помнили, это как выходят из электрички на станции. Где были до этого, не знают. Через две – три недели человек приходил в себя, начинал вспоминать, кто он и откуда.

Таких случаев было не так много, чтобы привлечь внимание властей или напугать население городов. Затем и они прекратились. Но на смену отдельным непонятным явлениям пришло нечто гораздо более серьезное. Новый фактор, зачастую едва уловимый, но такой же неизменный как всемирное тяготение. Полностью раскрыть поправки и дополнения к законам природы пока никому не удастся. Далеко не все вообще готовы признавать, что изменения произошли.

Раньше, еще до всего этого, а точнее всю жизнь меня преследовали какие-то едва уловимые впечатления или предощущения. Похожее чувство испытываешь, когда утром просыпаешься и точно помнишь, что видел сон. Но какой именно сон и о чем он никак не можешь вспомнить – от него осталось только едва уловимое настроение. И ты еще мучаешься какое-то время, стараясь поймать что-то ускользающее. Такие предощущения возникали сами по себе в самые неожиданные моменты. Иногда под их влиянием я придумывал какие-то картины или истории. Но чаще всего они проходили бесследно.

После вспышки больше года не было никаких предощущений, даже сны перестали сниться. Но вот однажды мне позвонил один знакомый, его зовут Валера. Хотя нет, сначала было вот что: я выскочил с работы не надолго – пообедать. Сырой ветер неожиданными резкими порывами дергал провода и рекламные баннеры. Было очень скользко, и я осторожно семенил по льду, чтобы не упасть. Вдруг пе-

ред глазами встала давно забытая картинка. Как будто открылось воспоминание о том, чего никогда не было: «Раннее летнее утро. Птицы только-только начинают робко петь свои сладкие летние песни. Мы с друзьями сидим на крыше одного старого здания в самом центре города. Я лениво болтаю ногами и разглядываю редких прохожих. Невыносимое чувство счастья плотно окутывает меня оттого, что впереди целый огромный летний день, оттого, что это самое начало. Начало неизведанного пути».

А потом позвонил Валера:

– Слушай, мы тут для одной турфирмы разрабатываем мега-проект. Может, есть какие-то идеи?

– Да, есть. Путешествие «В погоне за солнцем»: 20 рассветов за одни сутки.

– Прикольно. Ладно, попробуем.

Валера позвонил через несколько дней. Сказал, что идею приняли. Потом были еще предостережения и звонили разные люди. Сначала знакомые, а потом начали обращаться и совсем чужие. Один мужчина, владелец рыбного магазина просил:

– Сделай что-нибудь, а то я с ума сойду! Уже и ремонт сделал, и место вроде бойкое, и товар хороший, ассортимент. А народу как не было, так и нет! Рядом захудалая парикмахерская, тетки работают – алкоголички, а у них очередь каждый день. Ну, где справедливость?

– Там рыбой нельзя торговать, – можно, и правда, с ума

сойти.

– А чем же мне торговать тогда!?

– Ну не знаю, попробуйте элитными сырами...

Звонки стали довольно частыми, и я отказался от своей официальной работы. Занялся исключительно своим «бизнесом». Скоро я понял, что невыразимые впечатления стали намного четче, чем до вспышки. Получив некоторый опыт, я решил открыть официальное агентство. Далеко не всегда дело можно решить по телефону. Важно увидеть человека, внимательно послушать его, посмотреть, как он рассказывает свою историю. Ключевой момент – это посещение того дома или трамвайной остановки, или футбольного поля, о котором говорит или хотя бы упоминает рассказчик. Там надо просто внимательно смотреть. Очень-очень тихо, почти не двигаясь. Чтобы не спугнуть впечатления и воспоминания. От резких движений они как пылинки разлетаются в разные стороны, и уже ничего не поймашь, не поймешь и не увидишь.

Вот так внимательно смотреть способен каждый человек. Но есть люди, которые не могут видеть по-другому. Созерцатель вынужден наблюдать тайный смысл предметов и явлений. Поэтому контора, в которой мы работаем, и называется «Агентство земного созерцания».

– А почему именно земного созерцания? – самый частый вопрос, который задавали мне будущие созерцатели.

– Небесным созерцанием мы можем заниматься исключи-

тельно для собственного удовольствия, – отвечал я, – И вообще небесное созерцание недоступно нам в полной мере. Для этого у нас пока еще слишком прочная связь с землей.

В агентстве никто не сидит с восьми до шести на рабочем месте, да и офиса в обычном понимании у нас нет. Я привлекаю экспертов по мере необходимости. У одного получается улавливать опасности или настроения, у другого – отыскивать сильные или слабые положения в пространстве, третий читает символы. Способность улавливать опасности и настроения помогает определить, какой вид деятельности безопасен в обследуемом помещении или конкретном месте. Например, есть места, в которых ни в коем случае нельзя торговать или размещать увеселительное заведение. Если нарушить этот запрет, то может произойти пожар или несчастный случай, а предприниматель может разориться или даже сойти с ума, покончить с собой. Таким образом, мы как пожарные выдаем заключение, что-то вроде рекомендаций. Поэтому и называем это направление работы «отдел выдачи лицензий».

Другое направление – поиск слабых и сильных положений в пространстве. Этот вид деятельности у нас стали называть «отдел проектирования воздушных замков». Сюда относятся генерация идей любой сложности, а также проекты. В последнее время стало модно использование дополнительного пространства. Научное открытие, которое было сделано чуть больше года назад, когда о вспышке уже основательно забы-

ли. Оно позволяет делать так называемые «карманы» в определенных местах – открывать дополнительные пространства разного объема. Примерно как в сказках, где мешок изнутри намного больше, чем снаружи. Так вот наш отдел проектирования воздушных замков определяет места, где можно открыть эти «карманы» и следит за тем, чтобы новое пространство было безопасным.

Чтение символов тоже имеет свое практическое применение, но только для самих созерцателей.

Лига отъявленных лентяев

С самого начала я не испытывал проблем с привлечением экспертов в «Агентство земного созерцания». Секрет эффективной кадровой политики оказался очень прост. Надо только правильно ответить на один вопрос.

Знаете, какое главное достоинство в любом кабаке? Огромное окно. Кофе терпеливо ждет на краю стола, как солдат на посту. А я откинулся на спинку дивана, вытянул ноги и смотрю туда. По ту сторону большого как витрина окна течет бесконечная река жизни: бескрайняя пустыня, где бредут редкие путники. Бурное море. Поле битвы: слышно, как лязгают щиты и доспехи! Тонкое стекло – единственная моя защита. Я как в батискафе или в космическом корабле.

Кофе еще не остыл, а осень за окном уже надела толстый белый пуховик. А потом весна сдирала с себя клочки зимнего меха. А потом пришло лето. Лето – долгожданное, как день рожденья в пять лет: такое же яркое и такое же короткое. Мимо окна стали проходить женщины в летних платьях. На лицах легкое удивление и восторг от мужских взглядов. Мы сидим за столом и наблюдаем. Мы вынырнули из реки, отползли в сторону и наблюдаем. Что мы сказали друг другу на этот раз? Опять ничего важного – просто сидим и улыбаемся. Мы знаем, что смех – самое лучшее заклинание против злых чар. И мы шутим и смеемся. Это занятие нам по силам.

Кто сегодня сумел вырваться и прийти посидеть у окна? Нас двое или кто-то еще успеет подойти? Или это отражение в стекле допивает свой кофе? За последние две-три тысячи лет нас тут набралось довольно много – любителей праздного времяпрепровождения.

Последний холодный глоток:

– Дайте счет, пожалуйста.

– Еще?

– Нет, счет дайте.

Улица имени Свободы

Эта улица пролегла через всю жизнь. Она начинается у магазина «Детский мир». Потом не спеша поднимается, пробирается через парикмахерские, детские сады и банки. А в финале выходит к вокзалу. Меня это обнадеживает. Улица имени Свободы заканчивается приглашением к путешествию.

Почти в самом начале, у перекрестка раньше была одна забегаловка. Небольшое кафе было рассчитано на студентов. Постепенно круг клиентов расширился вместе с ассортиментом. В дополнение к резиновой пицце и пельменям на пластиковой тарелочке здесь стали продавать пиво, крепленое вино и дешевый коньяк. Однако нас не огорчали все эти перемены. Огромное, как витрина, окно заставляло забыть обо всем. Долгие годы этот кабачок был для нас чем-то вроде отправной точки в странствиях по питейным заведениям. Отсюда мы наблюдали, как пульсирует жизнь, движется рывками ярких огней по артерии имени Свободы.

Бурные времена остались далеко позади. Помещение выкупили. Теперь там продают канцтовары – оптом и в розницу. Но витрина сохранена в первозданном виде. Я вспомнил об этом месте, когда искал помещение под офис. Переговоры с магазином закончились тем, что я арендовал у них дополнительное пространство, которое сам и открыл. Теперь у

нас есть просторное помещение, которое сильно напоминает кофейню: барная стойка, несколько столиков и витрина. Здесь можно встретиться с клиентом, обсудить между собой все рабочие моменты и посидеть у окна с чашкой кофе.

Чтение символов

Оля Тетерина всегда была бескомпромиссной девушкой и очень импульсивной. Она терпеть не могла таинственность, полунамек и всякую вычурность. Как филолог, она отдавала предпочтение Диккенсу и Толстому. Как журналист она любила писать разгромные статьи на какой-нибудь спектакль или фильм. При этом истинные достоинства и недостатки произведений в расчет не брались. Ее просто злили любые проявления современного искусства. По странной иронии именно Оле с детства жизнь открывала непознанные стороны. Удивительные видения или сны наяву поражали своей реалистичностью. Например, белый кентавр мог выйти из платяного шкафа посреди ночи! И тогда вся семья долго не могла уснуть после Олиных криков. Приверженность к материализму и жажда простой и ясной конкретики сочетались в ней с уникальным свойством, близким к профессорской рассеянности.

Идею с Агентством земного созерцания она отвергла не раздумывая. Однако лучшего сотрудника в отдел выдачи лицензий мне было не найти. Поэтому мы договорились с ней так, что я буду привлекать ее как корреспондента. Я прошу ее сделать снимки и написать свои впечатления о помещении, которое интересует клиента. Ее фотографии и тексты после минимальных правок становились идеальным отчетом

с рекомендациями.

Недавно я попросил обследовать Тетерину марокканский склад. Сначала задание показалось мне даже чересчур тривиальным, но его результаты озадачили сотрудников агентства. Оля сдала свой отчет в срок, и клиент остался доволен. Но через пару дней она сама пришла в офис:

– Вот что, начальничок, не совсем все было так на этом складе.

– В смысле? Ты скрыла от клиента что-то важное?

– Нет, клиенты тут не при чем, это тебя касается. Когда я фотографировала, в одном месте, возле лифта, на снимке странная картинка получилась. Я подумала, что это брак и удалила кадр. Но он как навязчивый мотив, все время крутится у меня в голове.

– И что же там такое было?

– Там как будто рисунок на стене, хотя так его нет – просто грязь наляпана. На рисунке звероящер какой-то, весь в шипах. И он курит трубку. Это тебе ничего не говорит?

– Мне? Да нет вроде. А что?

– Я во сне потом прочитала этот символ. Он к тебе придет. Вот и все послание, – Оля резко встала, довольная, что неприятная процедура закончилась, – ну, пока, начальничок.

– Ладно, пока, только я тебе не начальник.

Я проконсультировался у всех созерцателей, но мы так ни к чему и не пришли. Какое ко мне мог иметь отношение

монстр на удаленной фотографии, узнать так и не удалось. Все сошлись на одном – надо ждать. Со временем любые символы раскрываются и наполняются недостающим смыслом. Действительно, прошло не больше недели, и тайна раскрылась самым неожиданным образом.

Как-то утром я только пришел на работу и готовил себе первую чашку кофе. В этот момент в нашем офисе появился посетитель. Меня слегка удивило его проворство – в помещения дополнительного пространства так просто не попадешь. Надо точно знать, где «врезан» карман. Но я подумал, что кто-то из сотрудников Агентства заранее проконсультировал человека.

– Добрый день! – посетитель широко улыбнулся. – Мне сказали, что у вас есть опыт в несколько необычной сфере. Опыт необыкновенных услуг, так сказать. Мне нужно рассказать Вам одну историю. У вас есть время для меня?

– Да, здравствуйте, присаживайтесь. Кофе будете?

– Не откажусь.

Пока кофе-машина трудилась над второй чашкой, человек начал говорить:

– Прежде чем приступить к своему делу, я должен рассказать Вам одну историю или притчу, если хотите. Я услышал ее во время очередного путешествия. Сейчас, знаете, стало модно путешествовать... Смысл притчи в том, что людей после их земной жизни призывают на оценочную комиссию. В ней разбирают не поступки и мысли человека, а только то,

что он написал. Неважно где – на бумаге, на холсте, на песке, на парте или на заборе. Главный критерий отбора – это подлинное авторство. То есть человек написал это сам, без подсказки, не срисовывая и не списывая, и при этом не использовал других людей. Чаще всего оценочной комиссии приходилось иметь дело со стандартным набором: одно-два сочинения в школе, примерно столько же объяснительных в вузе и на работе, с пяток заявлений на отпуск (остальные списаны со старых), одна биография или резюме. Бонусом бывали собственноручно подписанные открытки и надписи на стенах в подъезде. С развитием технологий к списку добавились СМСки, сообщения в скайпе и аське. А затем как-то вдруг технологии полностью уничтожили все остальное. Исчезли из списка традиционные сочинения (все можно найти в мировой сети), объяснительные и заявления на отпуск уничтожил электронный документооборот. Теперь комиссия работает только с короткими сообщениями. Так вот, опасность этого феномена в том, что в написанные тексты человек вкладывает свой духовный опыт. А если нет текстов, значит, нет и духовного опыта.

– Семикрат, это ты?

Он рассмеялся, как Холмс, которому удалось подшутить над своим незадачливым другом. А у меня в одну секунду открылись все воспоминания о Курильне Дядюшки Хо и обо всем, что с этим связано.

– Ну вот, теперь ты точно знаешь, что волнует людей в

этой части нашего мира. И, надеюсь, понимаешь, почему тебе отсюда не так-то просто вернуться домой.

Какое-то время я не мог говорить. Смотрел в окно и маленькими глотками пил кофе. А Семикрат продолжал болтать, не обращая внимания на мое состояние:

– Ты тогда так быстро вылетел в трубу из курилки, что не успел получить никаких инструкций.

– Я не вылетел, а вышел через ствол, как обычно.

– Это тебе показалось из-за резкого перемещения. Наверное, плохо было потом?

– Не то слово – кишки на изнанку вывернуло, четыре дня болел с похмелья, есть ничего не мог!

– Да-а, это потому что поспешил. Ну да ладно. Как ты знаешь, наш мир не лежит ровным полотном. Он располагается складками, как на портьерах. Или слоями, как дым. Эти складки время от времени колышутся, натываются друг на друга. Изменяется изгиб полотна на мельчайшие доли. Вот у вас тут недавно нечто подобное произошло. Два разных слоя как бы вошли один в другой, вот и случались разные странности. Ты, кстати, правильно уловил взаимосвязь между вспышкой и вот этим всем, – он обвел рукой вокруг. Ну, как, немного ближе стало к привычной жизни?

– Изменения незначительные, если знать, с чем сравнивать. Но все же стало получше. Раньше людям здесь приходилось несладко.

– Дядюшка Хо просил передать, что трубка твоя в сохран-

ности... Пока не произошел этот сдвиг, к тебе было сложно добраться, так что не сердись.

– И что теперь будет? – я все еще не мог оправиться от удара.

– Да ничего: я хотел, чтобы ты вспомнил. Когда вспомнишь, легче быть самим собой в путешествии.

Семикрат ушел, а я остался. Сначала было тяжело оттого, что многое открылось. А затем я решил последовать совету, который оставил мне в подарок господин Семикрат. Притча об оценочной комиссии и школьных сочинениях не давала мне покоя. Поэтому я и записал все, что мне показалось важным, на этих страницах. Благо, моя новая профессия располагает к записи наблюдений. А иначе как разглядеть свои следы на снежном поле, когда идешь от одного пятна света к другому.